

Вліяніе Наполеона на событія русско-шведской войны 1808—1809 г.г.

Французская историческая литература уже свыше 15 лѣтъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ трудомъ. Я имѣю въ виду сочиненіе Альбера Вандаль: „Наполеонъ и Александръ I-й“¹⁾. Этотъ трехтомный трудъ, излагающій исторію франко-русскаго союза въ эпоху первой имперіи, представляетъ исключительный интересъ не только для французовъ, но и для русскаго читателя. За время съ 1890 по 1896 годъ сочиненіе выдержало четыре изданія, при чемъ французской академіей дважды удостоено преміи Гобера²⁾.

Для насъ интересъ сочиненія увеличивается тѣмъ, что въ числѣ прочихъ архивныхъ матеріаловъ авторъ широко использовалъ донесенія французскихъ посланниковъ при Петербургскомъ Дворѣ, имѣвшія въ то время не совсѣмъ обыкновенный характеръ. Съ каждымъ курьеромъ, привозившимъ изъ Петербурга обычныя депеши для Министерства, слѣдовало частное письмо къ императору, въ которомъ посланникъ подробно излагалъ свои впечатлѣнія. Болѣе того, послѣ каждого изъ своихъ разговоровъ съ царемъ,

¹⁾ Albert Vandal. Napoleon et Alexandre I-er, L'alliance russe sous le premier empire.

²⁾ Гоберъ (1807—1833)—извѣстный французскій филантропъ, учредившій двѣ преміи по 10.000. франковъ для выдачи, по присужденію академіи, за лучшее сочиненіе по исторіи Франціи.

происходившихъ почти ежедневно, посланникъ записывалъ ихъ слово въ слово, сохраняя форму діалога, и въ такомъ видѣ прилагалъ ихъ къ своимъ письмамъ императору подъ общимъ названіемъ „Rapports“. Эти діалоги столь характерны и живы, что при чтеніи ихъ какъ бы слышишь разговоръ Императора Александра I-го съ французскимъ посланникомъ, со всѣми особенностями мыслей и рѣчи, которыя столь часто раскрываютъ тайны характеровъ.

Нѣкоторыя изъ писемъ посланниковъ сопровождалась еще особыми добавленіями, въ видѣ перечня придворныхъ и великосвѣтскихъ новостей Петербурга, въ которыхъ въ легкой формѣ воспроизводилась вся жизнь столичнаго общества, а порою живо освѣщались и событія чисто политическія. („Nouvelles“ et „on dit“ de Petersbourg) ¹⁾.

Въ отношеніи русско-шведской войны 1808—1809 г.г. сочиненіе Вандаль даетъ крайне интересный и отчасти новый матеріалъ для глубокаго историческаго изслѣдованія какъ причинъ войны, такъ и тѣхъ сокровенныхъ вліяній, которыя незримо дѣйствовали между Парижемъ и Петербургомъ и несомнѣнно отразились на событіяхъ войны.

Борьба Европы противъ Наполеона воодушевлялась, главнымъ образомъ, Англійей. Едва побѣдивъ одного врага, Наполеонъ оказывался вновь лицомъ къ лицу съ вооруженной „владычицей морей“, готовившей противъ него новыя коалиціи. Мало-по-малу стремленіе добиться прочнаго мира съ Англійей сдѣлалось главною цѣлью внѣшней политики Наполеона. Средствомъ для достиженія этой цѣли Наполеонъ избралъ союзъ съ Россіей, который и былъ заключенъ въ Тильзитѣ при подписаніи мира, закончившаго войну 1807 года. Согласно статьи 13-й мирнаго договора, Наполеонъ принималъ посредничество Императора Александра для заключенія прочнаго мира между Франціей и Англійей при условіи, что это посредничество будетъ принято Англійей не позже, какъ черезъ мѣсяць послѣ ратификаціи договора. Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ предусматривались статьями 4 и 5-й *союзнаго* договора, согласно которыхъ, въ случаѣ, если Англія не дастъ отвѣта до 1-го декабря, Россія обязывалась отозвать своего посланника изъ Лондона и совместно съ Франціей потребовать отъ Даніи, Швеціи и Португаліи закрытія портовъ и объявленія войны Англійи. Въ случаѣ отказа этихъ госу-

¹⁾ Vandal, vol. I p. XVIII.

дарствѣ присоединиться къ союзникамъ, съ ними надлежало поступать, какъ съ непріателемъ ¹⁾).

Однако Англія не выражала желанія заключать миръ. Напротивъ того, она поспѣшила предупредить Наполеона въ Даніи. Въ началѣ августа 1807 года англійскій корпусъ высадился въ Зеландіи и совмѣстно съ флотомъ бомбардировалъ Копенгагенъ. Датская столица покорилась и выдала англичанамъ свои арсеналы и флотъ.

Наступила обстановка, предусмотрѣнная Тильзитскимъ соглашеніемъ для рѣшительнаго выступленія Россіи. Отправляя въ Петербургъ новаго посланника, Наполеонъ ставитъ ему первой задачей добиться, чтобы Россія объявила войну Англіи.

....„Поведеніе Англіи“, пишетъ Императоръ въ своей инструкціи, „представляетъ уже весьма серьезный поводъ къ войнѣ. Россія уронитъ свое достоинство, если потерпитъ безъ сопротивленія подобное посягательство въ предѣлахъ моря, свободу котораго она поддерживаетъ. Она ослабитъ этимъ свое международное значеніе и свою внутреннюю мощь. Война должна быть объявлена, если бы даже она тотчасъ закончилась миромъ; русскій посланникъ въ Лондонѣ долженъ быть отозванъ, а англійскій—высланъ. Къ тому обязываютъ Россію не только всѣ политическія соображенія, но также и Тильзитскій договоръ. Несомнѣнно, это будетъ выполнено по Вашемъ прибытіи въ Петербургъ. Россія должна тогда привлечь Швецію къ общему дѣлу, а въ случаѣ отказа, принудить ее. Швеція, столь же, какъ Россія, обязана защищать нейтралитетъ Балтійскаго моря. Данія, на основаніи только что заключеннаго договора съ Франціей, обязалась принять участіе въ мѣрахъ, предусмотрѣнныхъ на случай необходимости заставить Швецію присоединиться къ континентальнымъ державамъ. Увѣрьте, что, въ случаѣ, крайней необходимости, франко-датская армія приготовится вступить черезъ Норвегію въ Сканію, какъ только Россія овладѣетъ Финляндіей“ ²⁾).

Одновременно съ этимъ Наполеонъ предписываетъ Бернадоту, который занималъ своимъ корпусомъ ганзейскіе города, направиться въ Ютландію, чтобы быть готовымъ переправиться на датскіе острова и стовориться съ датскимъ правительствомъ относительно нападенія на Сканію, южную провинцію Швеціи.

Объ этомъ Наполеонъ спѣшитъ поставить въ извѣстность и своего посланника въ Петербургъ:

¹⁾ Vol. I, Appendice, p. 502 et 507.

²⁾ Vol. I, Appendice, p. 512. Instruction pour M. de Caulaincourt.

....„Получивъ Ваше письмо отъ 13-го числа“, пишетъ онъ Колленкуру, „я послалъ адъютанта въ Копенгагенъ съ приказаніемъ Бернадоту отправить въ Сканію 14.000 французовъ и голландцевъ“...

...„Что касается Швеціи“, пишетъ далѣе Наполеонъ, „то предвижу, что Александръ овладѣетъ даже Стокгольмомъ. Надо убѣждать его сдѣлать это, чтобы вернуть Даніи ея флотъ и колоніи. Россіи никогда не представится другого случая расположить Петербургъ болѣе центрально и избавиться отъ ея географическаго врага“¹⁾...

Хотѣлъ ли онъ дѣйствительно ослабить Швецію? ставитъ вопросъ Вандаль и отвѣчаетъ на это такъ:„Въ мысляхъ императоръ былъ далекъ отъ подобнаго проекта: я ничего не выигрываю оттого, что русскіе будутъ въ Стокгольмѣ, писалъ онъ вскорѣ, и содѣйствіе, которое онъ имъ готовъ былъ оказать, никогда не было бы дѣйствительнымъ. Движеніе, которое онъ ожидалъ со стороны русскихъ, должно было представлять не болѣе, какъ политическую и военную диверсію, предназначенную для отвлеченія вниманія какъ нашихъ союзниковъ, такъ и нашихъ враговъ. Предлагая Россіи на Сѣверѣ то расширение, котораго она добивалась на Востокѣ, Наполеонъ давалъ первую пищу завоевательной алчности русскаго Двора; онъ занималъ его реально—Швеціей, а въ мечтахъ—проектами раздѣла Турціи. Съ другой стороны, походъ русскихъ на Скандинавскій полуостровъ, совмѣстно съ демонстраціей Бернадота, должны были все болѣе и болѣе привлекать въ этомъ направленіи силы Англіи, удерживая ихъ вдали отъ Испаніи и Средиземнаго моря“.

„Въ то время, какъ Англія не рѣшится отказать въ помощи Монарху, поставившему себя, ради нея, въ затруднительное положеніе, и пошлетъ свои лучшіе полки въ Швецію, Испанія, представленная самой себѣ, окажется въ рукахъ Наполеона, подъ его властью и какъ-бы гипнозомъ. Смѣнивъ, быть можетъ, династію и во всякомъ случаѣ порядокъ управленія, она болѣе тѣсно сблизится съ нами и будетъ дѣйствовать противъ нашего врага²⁾“...

Въ теченіе первыхъ недѣль 1808 года задача французскаго посла въ Петербургѣ представлялась исключительно щекотливой: „онъ долженъ былъ внушать Александру дѣятельность на сѣверѣ и терпѣніе на югѣ, и не допуская предпріятій противъ Турціи, способствовать рѣшимости Императора въ отношеніи къ Швеціи³⁾“...

¹⁾ Vol. III, Appendice, p. 551.

²⁾ Vol. I, p. 260 et 261.

³⁾ Ibid. p. 274.

Впрочемъ и Наполеонъ, съ своей стороны, не упускалъ внушать своему союзнику необходимость рѣшительныхъ дѣйствій. 2-го февраля 1808 года онъ писалъ Русскому Императору:

....„Ваше Величество узнаете о послѣднихъ рѣчахъ въ англійскомъ парламентѣ и о его рѣшеніи продолжать войну до крайности..... Вашему Величеству слѣдуетъ усилить свою армію. Съ своей стороны я охотно окажу Вамъ полную поддержку. Я вовсе не завистникъ Россіи, а желаю ей славы, благополучія и расширенія. Позвольте ли Ваше Величество дать совѣтъ лицу, искренно и вѣрно Вамъ преданному? Вашему Величеству необходимо удалить шведовъ отъ своей столицы и отодвинуть съ этой стороны свою границу столь далеко, какъ пожелаете; я готовъ помочь Вамъ всѣми средствами ¹⁾“...

Предлагая далѣе совмѣстныя дѣйствія какъ въ Азіи, противъ Индіи, такъ и на сѣверѣ, Наполеонъ пишетъ: „Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, а войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ ²⁾“...

Между тѣмъ шведскій король оказался совершенно не стоворчивымъ.

„Не внимая ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ, онъ рѣшительно отказался примкнуть къ двумъ имперіямъ и закрыть свои гавани для Англіи. У этого монарха, съ рыцарской душой и съ мало-уравновѣшеннымъ умомъ, вѣрность къ прошлому и ненависть къ революціонному императору обратились въ *idée fixe*. Онъ хотѣлъ остаться во весь ростъ среди преклонившейся Европы и считалъ противнымъ чести повиноваться требованіямъ Франціи или ея союзниковъ. Какъ только его рѣшеніе не оставляло болѣе сомнѣній, Коленкуръ начинаетъ настаивать передъ царемъ на принятіи предусмотрѣнныхъ мѣръ и побуждать къ нападенію на Швецію. Александръ не отказывался: къ концу 1807 года корпуса, предназначенные для овладѣнія Финляндіей, оканчивали свое сосредоточеніе вокругъ Петербурга. Однако, когда армія была готова и ожидала лишь приказа для выступленія въ походъ, правительство начало колебаться. Послѣднія приготовленія шли вяло и съ частыми перерывами. Задержки эти, какъ справедливо полагалъ Коленкуръ, „зависѣли не только отъ медлительности, свойственной русской администраціи, но отчасти и отъ другихъ причинъ“. До сего времени разрывъ съ Англіей являлся платоническимъ: Александръ объявилъ войну нашимъ врагамъ, но не велъ ея. Нападеніе на

¹⁾ Vol. I, p. 242.

²⁾ Ibid. p. 243.

Швецію, состоявшую въ союзѣ съ Англіей и подъ ея покровительствомъ, означало бы переходъ отъ угрозы къ дѣйствию, закрывало бы путь къ отступленію, и Александръ медлилъ съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, желая окончательно убѣдиться въ нашихъ намѣреніяхъ“.

„Александръ опасался, что если онъ поспѣшитъ съ занятіемъ Финляндіи, то Наполеонъ можетъ признать это завоеваніе равнозначущимъ занятію турецкихъ провинцій (Молдавіи и Валахіи) и занести его на приходъ въ счетъ Россіи, чтобы уменьшить соотвѣтственно ея могущество на Дунаѣ и Черномъ морѣ“.

„Итакъ, Россія не спѣшила дѣйствовать, и графъ Румянцевъ, на котораго была возложена обязанность противостоятъ нашимъ намѣреніямъ, умножалъ съ неистощимой изобрѣтательностью причины для отсрочекъ. Сегодня оттепель мѣшаетъ движенію войскъ, завтра обнаруживается недостатокъ продовольственныхъ припасовъ; послѣзавтра генераль Буксгевденъ падаетъ съ лошади и лишенъ возможности двигаться; затѣмъ приближается праздникъ Крещенія: это былъ день водосвятія, и резигіозная церемонія сопровождалась большимъ традиціоннымъ парадомъ. Чтобы увеличить блескъ этого зрѣлища, рѣшено было привлечь къ участию войска экспедиціоннаго корпуса; надлежало, слѣдовательно, удержатъ ихъ въ Петербургѣ до этого времени“.

„Единственнымъ средствомъ для посланника противъ такой тактики было вновь прибѣгнуть къ царю, и дѣйствительно, рѣдко бесѣда съ царемъ не влекла за собою уменьшеніе отсрочекъ, объявленныхъ его министромъ. Къ счастью для нашего посланника, случаевъ для бесѣдъ съ императоромъ было достаточно. Александръ не только принималъ Коленкура у себя чаще, чѣмъ когда-либо, но благодаря свѣтской жизни они встрѣчались почти каждый вечеръ. Зима приближалась, Петербургъ оживлялся; празднества официальные и частныя слѣдовали одно за другимъ. Императоръ появлялся на тѣхъ и на другихъ, оставался тамъ до глубокой ночи, отдаваясь удовольствіямъ со всѣмъ пыломъ своихъ лѣтъ, и отрывался лишь для бесѣдъ съ французскимъ посломъ. Тогда видѣли его ходящимъ съ Коленкуромъ, фамиліарно взявъ его подъ руку, забывшимся съ нимъ въ длинныхъ разговорахъ. Присутствующіе, привлеченные любопытствомъ, но сдерживаемые почтительностью, образовывали въ нѣкоторомъ отдаленіи кругъ зрителей, при чемъ наиболѣе внимательнымъ былъ шведскій посланникъ, старый и умный баронъ Стедингъ, на глазахъ котораго и безъ его участія обсуждалась судьба его страны. Онъ старался хотя-бы по выраженію лица и по жестамъ бесѣдовавшихъ угадать содержаніе таин-

ственныхъ разговоровъ; онъ видѣлъ, какъ французскій посоль на ставалъ, какъ императоръ сперва не соглашался, потомъ уступалъ и по глубинѣ поклоновъ, которыми встрѣчались послѣднія слова императора, онъ заключалъ, что врагъ Швеціи получилъ новыя гарантіи, и что опасность приближается“.

„6-го января Коленкуръ удостоился исключительной чести сопровождать Императора при водосвятии; онъ находился рядомъ съ нимъ въ теченіе всей церемоніи, слѣдуя по льду за процессіей изъ духовенства, двухъ Императрицъ, Двора Императора и его свиты. По окончаніи водосвятия проходили войска, цѣлая армія въ 47 баталіоновъ и 39 эскадроновъ. „Это было превосходное зрѣлище, которое я желалъ бы лучше не видѣть“, писалъ Стедингъ, съ грустью созерцавшій изъ окна это грозное развертываніе силъ.

„Довольны ли Вы остались моими войсками?“ спросилъ Императоръ Коленкура послѣ парада. — „Да, Государь, я ихъ нашелъ превосходными“, отвѣчалъ посланникъ и, воспользовавшись этимъ комплиментомъ, еще разъ просилъ, чтобы употребленіе этой отборной арміи болѣе не откладывалось. Ему отвѣтили, что декларація, равносильная манифесту о войнѣ, только что выпущена, и на этотъ разъ нашъ посланникъ считалъ дѣло выиграннымъ. Каково же было его разочарованіе, когда, явившись на слѣдующій день къ министру иностранныхъ дѣлъ за копіей деклараціи, онъ узналъ отъ него, что все отложено на двѣ недѣли. Онъ возмущенъ и не могъ воздержаться, чтобы не указать на противорѣчіе въ словахъ Государя и Румянцева; указывая на первыя, какъ на Высочайшее повелѣніе, онъ называлъ нарушителей его „еретиками“. Александръ, не желая, чтобы его честность была заподозрѣна, принялъ рѣшительную мѣру. Рѣшено было немедленно составить декларацію и копію вручить намъ; однако этотъ актъ, связывающій Россію съ Франціей, долженъ былъ сохраняться въ секретѣ, до 15 февраля, когда разрывъ будетъ объявленъ въ Стокгольмѣ, и армія вступитъ въ Финляндію. Благодаря своей расчетливости и медлительности, Россія, дѣйствительно, была не въ состояніи начать дѣйствія ранѣе указаннаго срока; съ другой же стороны, прибѣгая къ способу дѣйствій не вполне добросовѣстному, она не хотѣла раскрыть его сосѣду, ранѣе нанесенія ему удара“.

„Бесѣды со Стедингомъ велись до послѣдней минуты въ успокоительномъ тонѣ, усыпляя безпокойство Швеціи и подготавливая вмѣстѣ съ тѣмъ внезапное нападеніе. „Я говорю, пока этого хотятъ въ Петербургѣ“, сказалъ Александръ Коленкуру, „но это не мѣшаетъ моимъ войскамъ дѣйствовать“. Въ самомъ дѣлѣ, армія незамѣтно приближалась къ границѣ; она неожиданно перешла ее

15-го, и военныя дѣйствія начались. Императорское правительство хранило молчаніе, не стараясь ослабить впечатлѣніе этого внезапнаго нападенія.

Россия еще разъ выполнила свои обѣщанія¹⁾.

„Окончательно рѣшивъ, со времени перехода войскъ черезъ границу, присоединить Финляндію и уже считая ее какъ бы своей собственностью, Александръ не преминулъ съ признательностью принять этотъ даръ союзника. Подарокъ этотъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ подданныхъ шведскаго короля, былъ предложенъ и принятъ съ одинаковой развязностью, какъ знакъ вниманія и любезности“.

„Императоръ желаетъ, чтобы Ваше Величество овладѣли Финляндіей и для личныхъ Вашего Величества выгодъ, и для того, чтобы петербургскія красавицы не слышали болѣе грома пушекъ“, говорилъ Коленкуръ Александру словами Наполеона.—„Я благодарю его, отвѣчалъ Александръ, и отъ себя и за петербургскихъ красавицъ; (смѣясь) я это ему скажу; онъ всегда такъ любезенъ со мною“... „Дѣло налажено“, прибавилъ Царь.

„Въ самомъ дѣлѣ, первыя операціи въ Финляндіи удались блестяще. Застигнутые врасплохъ въ слабо занятыхъ пунктахъ, шведы не могли нигдѣ удержаться: Гельсингфорсъ, Або были заняты безъ сопротивленія, и пока летучія колонны углублялись во всѣ части края, встрѣчая лишь преграды, созданныя природою, главныя силы арміи сосредоточились вокругъ Свеаборга, осадили его и быстро имъ овладѣли“²⁾.

„Письма Императора Александра къ Наполеону за это время представляли какъ бы бюллетени его успѣховъ.—Александру хотѣлось о каждомъ изъ нихъ извѣщать своего союзника, чтобы подѣлиться съ нимъ своей радостью и въ то же время показать ему, что его совѣтами пользуются“... „Завоеваніе Финляндіи было не труднымъ“, сообщаетъ Императоръ Александръ въ отвѣтъ на письмо Наполеона отъ 2 февраля 1808 года, „мои войска занимаютъ уже важнѣйшіе пункты и идутъ на Або; одновременно бомбардируется Свеаборгъ. Я полагаю, что скоро здѣсь все будетъ покончено, и время, когда Англія должна смириться; благодаря всѣмъ мѣрамъ, принятымъ Вашимъ Величествомъ, представляется мнѣ не далекимъ...“³⁾.

„Съ удовольствіемъ отмѣчаю успѣхи русскаго Императора въ Швеціи...“ пишетъ Наполеонъ Коленкуру по этому поводу.

¹⁾ Vol. I, p. 274—277.

²⁾ Vol. I, p. 318 et 319.

³⁾ Ibid. p. 304.

„Еще ранѣе, чѣмъ полное занятіе Финляндіи явилось совершившимся фактомъ, Александръ, поощряемый нами и нашими привѣрами (пишетъ Вандаль), предрѣшилъ вынужденную уступку этой области шведскимъ королемъ и по праву завоеванія, простымъ декретомъ объявилъ ее присоединенной къ имперіи, подобно тому, какъ это дѣлалось Римомъ и Наполеономъ“ ¹⁾.

„Это событіе произвело въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и въ нашу пользу. Впервые союзъ съ Франціей принесъ существенный практический результатъ, очевидный для всѣхъ. Александръ, видѣвшій въ завоеваніи Финляндіи свой личный успѣхъ, какъ первое оправданіе своей политики, не преминулъ указать на эту сторону вопроса. — „Что же, продолжаете Вы сожалѣть о моемъ союзѣ съ Франціей?“ говорилъ онъ недовольнымъ, — „а что дали союзы съ вашей милой Англійей?“ Аргументъ былъ неопровержимъ и производилъ впечатлѣніе въ высшихъ кругахъ. Конечно, непримиримые не отчаивались; въ салонахъ политика по-прежнему вызывала ожесточенные споры, но вліяніе нашихъ противниковъ поколебалось, и число ихъ уменьшилось. Знаменательный симптомъ: даже главари оппозиціи Чарторыйскій, Новосильцевъ, Строгановъ впервые сдѣлали визитъ нашему посланнику и появились у него на вечерахъ, и эти поступки, болѣе или менѣе искренніе, горячо обсуждаемые, казались предвѣстіемъ общаго поворота мнѣнія“ ²⁾.

„Первое разочарованіе остановило эту перемѣну. Основываясь на неоднократныхъ сообщеніяхъ Наполеона, Александръ и его министръ были увѣрены въ томъ, что походъ Бернадота въ Сканию состоялся, и что это содѣйствіе облегчитъ окончательное покореніе Финляндіи и обезпечитъ возможность болѣе смѣлыхъ предпріятій. Правда, Бернадотъ со своимъ корпусомъ передвинулся въ Голштинію до пункта, ближайшаго къ датскому архиепископату, откуда онъ долженъ былъ отплыть для нападенія на южныя провинціи Швеціи. 6-го марта 1808 г. Наполеонъ писалъ Коленкуру: „Князь Ponte-Corvo (Бернадотъ) вступилъ въ Голштинію 3-го марта. Полагаю, что онъ достигъ береговъ Балтійскаго моря. Въ его распоряженіи болѣе 20.000 чел., что вмѣстѣ съ 10.000 человекъ, которыхъ ему могутъ дать датчане, составитъ корпусъ въ 30.000 человекъ. При благоприятной погодѣ онъ скоро будетъ въ Швеціи, и диверсія, столь желательная Императору, будетъ сдѣлана“... ³⁾.

¹⁾ Vol. I, p. 320.

²⁾ Ibid. p. 320, 321.

³⁾ Vol. III, appendice, p. 555.

Въ письмѣ отъ 18-го апрѣля, Наполеонъ сообщаетъ своему посланнику слѣдующее:

„Князь Ponte-Corvo въ Фіоніи; съ нимъ 15.000 французовъ, 15.000 испанцевъ и 15.000 датчанъ. Онъ переправился бы давно, если бы Данія не колебалась такъ долго его пропустить... Теперь хорошая погода помѣшаетъ можетъ быть вовсе его переходу. Однако, будетъ сдѣлано невозможное, и диверсія во всякомъ случаѣ произведетъ надлежащее впечатлѣніе. Я только что получилъ манифестъ Шведскаго короля. Все въ немъ лживо...

....„А пока что“, добавляетъ онъ въ концѣ письма, „Россія уже владѣетъ прекрасной провинціей, что является достойной наградой за ея труды, и я не чувствую зависти“¹⁾.

„Между тѣмъ, хотя Наполеонъ согласно своимъ обѣщаніямъ и далъ маршалу планъ активныхъ дѣйствій, однако онъ не уполномочилъ его, до случая, приводить этотъ планъ въ исполненіе. Разсматривая предпріятіе въ Сканию, какъ простую диверсію, предназначенную для обезпеченія операціи русскихъ противъ Стокгольма и центральныхъ частей королевства, Наполеонъ слишкомъ долго раздумывалъ, прежде чѣмъ смѣло двинуть свои войска черезъ Балтійское море и рискнуть нѣсколькими дивизіями ради дѣла, которое его, непосредственно, вовсе не интересовало“.

„Онъ совѣтовалъ Бернадоту дѣйствовать только навѣрняка, съ усиленными предосторожностями; маршалъ долженъ былъ переплыть проливъ и вступить въ Швецію только въ томъ случаѣ, если датчане дадутъ ему достаточно войскъ, чтобы обезпечить вѣрный успѣхъ операціи. Осторожный по натурѣ, Бернадотъ истолковалъ эти приказанія въ самомъ узкомъ смыслѣ; онъ переправилъ на острова только авангардъ, а затѣмъ, видя у датчанъ мало рвенія и узнавъ о прибытіи въ Балтійское море нѣсколькихъ англійскихъ фрегатовъ, въ видѣ передовыхъ силъ эскадры, онъ приостановился и не двинулся болѣе съ своей позиціи на материкъ“.

„Эта остановка, сдѣлавшись весьма быстро извѣстной въ Петербургѣ, произвела тамъ самое непріятное впечатлѣніе; въ ней ошибочно видѣли отмѣну распоряженія французскаго императора, первый признакъ его двоедушія... Нервное и перемѣнчивое до крайности, общественное мнѣніе повернулось тотчасъ же... Самъ Александръ, среди общаго волненія, казался смущеннымъ этимъ событіемъ“...²⁾.

Наполеонъ долженъ былъ дать объясненія бездѣятельности Бернадота:

¹⁾ Ibid. p. 557 et 558.

²⁾ Vol. I, p. 321 et 322.

„Если Вамъ будутъ говорить объ экспедиціи въ Сканию, пишетъ онъ Коленкуру 26 апрѣля, то вотъ положеніе вопроса: я не могъ предпринять эту экспедицію менѣе чѣмъ съ 40.000 человекъ. Князь Ponte-Corvo имѣлъ 15.000 французовъ и 15.000 испанцевъ. Датчане должны были также дать 10.000 человекъ. Но я настаивалъ и долженъ былъ настаивать, чтобы эти 40.000 человекъ отплыли одновременно. Если бы часть переправилась, а часть осталась на другомъ берегу, то экспедиція потерпѣла бы неудачу, и войска были бы обречены на жертву. Вы понимаете, что я не могъ допустить такой ошибки. Князь Ponte-Corvo поѣхалъ въ Копенгагенъ; онъ увидѣлъ тамъ, что имѣвшіяся средства для переправы могли поднять одновременно лишь 15.000 человекъ. Требовалось, такимъ образомъ, сдѣлать три рейса. Переправу пришлось отложить. Онъ имѣлъ приказаніе перевести 40.000 человекъ одновременно,—вотъ въ чемъ весь вопросъ. Теперь датскій король можетъ сосредоточить свои войска въ Зеландіи; у него 25.000 человекъ. Я приказалъ князю Ponte-Corvo отправить 6.000 человекъ. Даніи нечего опасаться. Если она обнаруживаетъ страхъ, то онъ неоснователенъ, если только ея солдаты не картонные“.

Въ концѣ письма Наполеонъ ясно даетъ понять своему посланнику, что рѣшительныя предпріятія противъ Швеціи не согласуются съ его тайными желаніями:

...: „Получилъ сейчасъ Ваше письмо отъ 5-го апрѣля. Я нахожу, что Вы слишкомъ хлопочете объ экспедиціи въ Швецію. Я съ удовольствіемъ смотрю на то, что дѣлается императоромъ, но Вамъ не слѣдуетъ такъ его торопить. У Васъ были инструкціи относительно Финляндіи; относительно же прочаго Вы ихъ не имѣли“¹⁾.

Черезъ мѣсяцъ, въ письмѣ отъ 31-го мая, Наполеонъ выражается еще опредѣленнѣе:

..... „Я не одобряю содержаніе Вашей записки, поданной Императору. Французскому посланнику не слѣдуетъ никогда писать, что русскіе должны идти на Стокгольмъ...“²⁾.

Желая вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять невыгодное впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ бездѣйствіемъ Бернадота, Наполеонъ повторяетъ Коленкуру свои доводы, которые должны были прикрыть истинныя причины медлительности маршала: „Поздравьте отъ меня Императора со взятіемъ Свеаборга. Вы получили объясненія о положеніи дѣлъ въ Копенгагенѣ. Дѣло въ томъ, что необходимо отправить сразу по меньшей мѣрѣ 30.000 человекъ, такъ какъ

¹⁾ Vol. III, appendice, p. 558 et 559.

²⁾ Ibid. p. 560.

нельзя быть увѣреннымъ, что второй эшелонъ пройдетъ, а если первый эшелонъ будетъ отрѣзанъ, то рискуетъ понести уронъ. Князь Ponte-Corvo шелъ форсированнымъ маршемъ въ надеждѣ, что Бельты покрыты льдомъ. Онъ лично прибылъ въ Копенгагенъ, чтобы удостовѣриться въ средствахъ для переправы, и увидѣвъ, что ихъ имѣется для поднятiя лишь 15.000 человекъ одновременно, онъ приостановилъ свой маршъ. Однако передвиженiя продолжаются, и нѣсколько тысячъ человекъ прибыло въ Зеландiю. Операцiя должна выполняться съ осторожностью“... 1).

Между тѣмъ дѣла на Финляндскомъ театрѣ неожиданно приняли неблагоприятный для русскихъ оборотъ.

„Оправившись отъ разстройства, шведы начали защищаться и вновь обнаружили свои качества хорошихъ солдатъ; во многихъ стычкахъ они одержали верхъ, нанеся тяжелыя раны самолюбию своихъ враговъ: они овладѣли островомъ Готландомъ съ его гарнизономъ, и этотъ пунктъ, столь близкiй къ Финляндскому берегу, давалъ имъ средство утвердиться на послѣднемъ и вновь оспаривать судьбу области“.

„За спиной Швеции и Англія начала заявлять о себѣ, выказывая намѣреніе прийти на помощь своимъ союзникамъ. Десять тысячъ солдатъ генерала Мура, взятые съ Сициліи, высадились въ Готенбургѣ. Стало извѣстно о прибытіи авглійскаго флота въ датскія воды; ожидали его появленiя въ Балтiйскомъ морѣ. Не безызвѣстно было, что берега имперiи обнажены отъ войскъ, что Финляндская армія, плохо управляемая, дурно снабженная, разбросанная на обширномъ пространствѣ, съ трудомъ устояла бы при переходѣ врага въ наступленіе. Опасались, какъ бы соединенный натискъ шведовъ и англичанъ не перенесъ военныя дѣйствiя къ вратамъ столицы, и Петербургъ не оказался бы въ опасности“ 2).

Видя, что общественное мнѣніе начинаетъ измѣняться неблагоприятно для Франціи, „Коленкуръ вернулся къ мысли воздѣйствовать непосредственно на монарха, „единственнаго человека“, какъ онъ съ грустью признавалъ, „который имѣетъ нѣкоторую вѣру въ нынѣшнюю систему“... 3).

„Онъ давалъ Императору техническія указанiя, представлялъ записки о способахъ обороны Финляндiи и обезпеченiя ея за собой; далъ планъ наступленiя на Скандинавскiй полуостровъ...“

„Александръ, казалось, высоко цѣнилъ эти знаки преданности,

1) Vol. III, appendice, p. 559.

2) Vol. I, p. 323, 324.

3) Ibid. p. 330.

и первыми доказательствами его признательности было строгое порицаніе вожаковъ оппозиціи“...

„Однако, эта новая тактика, которую Коленкуръ столь откровенно излагалъ въ своихъ донесеніяхъ, и плоды которой онъ уже началъ пожинать, вовсе не одобрялась его императоромъ. Совѣты, данные Царю, Наполеонъ нашелъ мало совмѣстимыми съ ролью посла и выражающими слишкомъ явную заботу объ интересахъ иностраннаго государства: — „Не забывайте, что Вы французъ!“ строго писалъ онъ своему послу ¹⁾.

Оправдывая свой образъ дѣйствій, Коленкуръ отвѣчалъ: „Императоръ никому не показывалъ записки или соображенія, которыя я ему представлялъ; однако, я знаю, что онъ дѣлалъ распоряженія по всѣмъ“... ²⁾.

Между тѣмъ Наполеонъ, отвлеченный возстаніемъ въ Испанію, не желая въ эти минуты терять расположенія Россіи, приказываетъ Коленкуру предложить снова вступленіе французскихъ войскъ въ Сканію.

„Я съ грустью узналъ, пишетъ Императоръ своему посланнику 28-го іюня, что русскіе испытали нѣсколько неудачъ на сѣверѣ Финляндіи. Нѣсколько полковъ прибыли въ Копенгагенъ. Экспедиція не удалась теперь, но все можетъ быть легко налажено въ будущемъ ноябрѣ. Остается всего 4 мѣсяца и время терять нельзя. Необходимо, чтобы Россія побудила Данію просить меня ввести 40.000 человекъ въ Норвегію, и чтобы русскіе были готовы перейти проливъ у Финляндіи, когда онъ замерзнетъ. Они соединились бы съ нашими въ Швеціи; тогда англичане должны были бы постыдно удалиться, и Швеція была бы занята“ ³⁾.

„Но въ это время испанскія войска генерала Ла-Романа, занимавшія, въ качествѣ авангарда Бернадота, датскіе острова, въ ожиданіи переправы въ Швецію, при извѣстіи объ успѣхахъ своихъ соотечественниковъ, возмутились, передались непріятелю и требовали, чтобы англійскій флотъ отвезъ ихъ на родину, гдѣ они хотѣли примкнуть къ борьбѣ за освобожденіе... Это обстоятельство сдѣлало силы Бернадота недостаточными для выполненія его задачи. Движеніе въ Сканію, доселѣ лишь запоздалое, дѣлалось уже невыполнимымъ; между тѣмъ извѣстно, какое значеніе придавалъ этой диверсіи Александръ“ ⁴⁾.

Въ утѣшеніе русскому Императору, Наполеонъ доказываетъ, что

¹⁾ Vol. I, p. 331.

²⁾ Ibid. p. 332.

³⁾ Vol. III, appendice, p. 563.

⁴⁾ Vol. I, p. 367.

война въ Испаніи отвлекла вниманіе англичанъ на югъ и удержала ихъ отъ оказанія помощи шведамъ. Въ письмѣ Коленкуру отъ 9-го іюля онъ пишетъ:

„Я увѣренъ, что экспедиція, предназначавшаяся для Швеціи, была направлена въ Кадиксъ и другіе пункты. Это и дало другой оборотъ дѣламъ Россіи“¹⁾.

Однако, какъ ни старался Наполеонъ поглотить все вниманіе Александра Финляндіей, русскій Императоръ не упускалъ главныхъ выгодъ, ожидаемыхъ имъ отъ союза съ Франціей. Въ то время, когда Коленкуръ говорилъ ему о Финляндіи, приобрѣтеніе которой, по его словамъ, являлось столь же необходимымъ дополненіемъ къ территоріи имперіи, „какъ рука къ тѣлу“, Александръ съ настойчивостью возвращался къ вопросамъ объ очищеніи Пруссіи и о раздѣлѣ Турціи²⁾. Кромѣ того, Александръ продолжалъ ожидать болѣе активной поддержки со стороны Франціи и на сѣверѣ, гдѣ содѣйствіе Наполеона также не шло далѣе обѣщаній и фразъ.

Всѣ эти вопросы Александръ предполагалъ поднять на предстоящемъ свиданіи въ Эрфуртѣ.

„Довольно промедленій“, говорилъ Императоръ Коленкуру въ августѣ 1808 года, „нужно дѣйствовать, и пусть судьба Россіи рѣшается на всѣхъ пунктахъ: въ сентябрѣ—Эрфуртъ, въ ноябрѣ—движеніе и въ теченіе зимы—результаты...“

Въ частности, относительно шведской войны, Александръ полагалъ также своевременнымъ возобновленіе энергичныхъ дѣйствій: „Зима приближается; это благоприятное время года для возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Ледъ образуетъ повсюду мосты, дастъ возможность перейти Ботнической заливъ и идти на Стокгольмъ; операція на сѣверѣ какъ нельзя лучше будетъ согласована съ широкими операціями, направленными съ юга“³⁾.

На Эрфуртскомъ свиданіи шведскій вопросъ былъ исчерпанъ статьей 5-й договора, согласно которой, однимъ изъ непремѣнныхъ условій мира съ Англіей ставилось „признаніе съ ея стороны присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи“.

„Относительно прочихъ частей шведскаго королевства вопроса не поднималось, и такимъ образомъ, Александръ получалъ полную свободу продолжать войну на сѣверѣ“⁴⁾.

Тѣмъ временемъ „въ Финляндіи было заключено перемиріе, но непреклонное упорство короля Густава IV, дошедшее до безраз-

1) Vol. III, appendice, p. 564.

2) Vol. I, p. 383.

3) Vol. I, p. 386.

4) Ibid. p. 475.

судства, не позволяло надѣяться, что онъ согласится пожертвовать провинціей, не истощивъ послѣднихъ средствъ. Съ этой стороны Александръ предвидѣлъ необходимость нанесенія ему дальнѣйшихъ тяжелыхъ ударовъ“¹⁾.

„Военныя дѣйствія возобновились съ прежней энергіей; поговаривали объ экспедиціи на Аландскіе острова, о высадкѣ на берега Швеціи, но то и другое оставалось въ проектѣ“...²⁾.

Между тѣмъ... „Стокгольмское правительство не обнаруживало ни малѣйшей склонности къ миру и даже отправило черезъ Ботнической заливъ часть своей арміи“³⁾.

Это обстоятельство, въ связи съ неудачными переговорами о мирѣ съ Турціей, приводилось русскимъ правительствомъ въ оправданіе вялыхъ дѣйствій русскаго вспомогательнаго корпуса, оперировавшаго противъ Австріи.

Между тѣмъ, для Наполеона, въ его борьбѣ съ Европой, „даже тѣнь дружбы Александра имѣла значеніе“; одинъ „призракъ союза“, въ видѣ появленія русскихъ войскъ въ Галиціи, способствовалъ бы не только побѣдѣ надъ Австріей, но даже миру съ Англійей. Поэтому Наполеонъ снова нажимаетъ на Коленкура: „.... Онъ разрѣшаетъ ему содѣйствовать заключенію столь желаемого въ Петербургѣ мира со Швеціей“, лишь бы взамѣнъ этой услуги русскіе сдѣлали серьезную диверсію въ Галиціи⁴⁾.

Но двойная игра Наполеона въ вопросѣ о возстановленіи Польши не укрылась отъ Императора Александра, и послѣдній считалъ болѣе осторожнымъ ограничиваться лишь фиктивными дѣйствіями въ Галиціи.

Тѣмъ временемъ, въ срединѣ августа „графъ Румянцевъ отправился въ Финляндію, чтобы встрѣтиться съ уполномоченными Швеціи въ городѣ Фридрихсгамѣ и закончить побѣдоносную войну подписаніемъ мира, присоединявшаго навсегда къ имперіи завоеванную провинцію вмѣстѣ съ Аландскими островами“...⁵⁾.

К. Рыльскій.

1) Vol. II, p. 9.

2) Ibid. p. 27.

3) Ibid. p. 66.

4) Vol. II, p. 98.

5) Ibid. p. 147.